

Веремёнко В.А.

Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина
Петербургское шоссе, 10, Санкт-Петербург, Пушкин, 196605
E-mail: v.a.veremenko@ya.ru

«О СОДЕРЖАНИИ В ДОЛЖНОМ ПОРЯДКЕ БЕЛЬЯ И ОДЕЖДЫ»: ОРГАНИЗАЦИЯ СТИРКИ В ГОРОДСКИХ ДВОРЯНСКО-ИНТЕЛЛИГЕНТСКИХ СЕМЬЯХ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.

Исследуются условия организации стирки белья в городских дворянско-интеллигентских семьях России в пореформенный период. Несмотря на то что к концу XIX — началу XX в. значительно увеличилось личное участие образованных хозяек в домашних делах, это изменение не распространилось на стирку. Она полностью перепоручалась специальному лицу — прачке. Сама работница могла выступать в качестве домашней прислуги, работавшей на одну семью, наемного лица, служившего в прачечном заведении, или самостоятельной поденщицы, предлагавшей свои услуги всем заинтересованным лицам.

Ключевые слова: дворянско-интеллигентские семьи, хозяйка, домашняя прислуга, прачка-поденщица, прачечное заведение, механизация, белье, стирка, катание.

Введение

Мощная волна изменений, обрушившаяся на дворянские семьи России во второй половине XIX в., казалось бы, затронула все стороны жизни. Новым модернизационным процессам оказались подвергнуты супружество и родительство, кардинально изменился характер взаимоотношений между членами семьи, менялись их права и обязанности [Веремёнко, 2009; Мицюк, 2015]. Существенно эволюционировала и сфера дворянско-интеллигентского семейного быта. Под воздействием комплекса факторов, как материального, так и социально-культурного характера, образованные хозяйки начинали сами ухаживать за своими детьми, вставали к плите, брали на себя уборку квартиры и походы за покупками (см. подр.: [Веремёнко, 2019; Veremenko, 2019]). И только одно направление внутрисемейной деятельности казалось для этой категории матерей семейства (по крайней мере в дореволюционный период) безусловно неприемлемым — речь идет о стирке белья, занятии хоть и традиционно женском, но безоговорочно называемом «ужасным» [Попов, 1907, с. 7], «тяжелым» и «непосильным для женщины» [Лейкин, 187, с. 166]. Недаром, даже находясь в эвакуации, в годы Первой мировой войны, лишенные какой-либо материальной поддержки интеллигентные беженки «в силу своего социального положения» отказывались идти на единственно имевшиеся вакансии прачек [Баженова, 2011, с. 24].

Цель данной статьи — охарактеризовать способы организации стирки белья в дворянско-интеллигентских городских семьях пореформенной России, выявить уровень распространения в этой сфере новшеств и степень перехода данной деятельности из области домашнего труда в область общественного производства.

Материалы и методы

Источниками для написания статьи явились делопроизводственные документы прачечных заведений; материалы статистики; многочисленные пособия по домоводству и инструкции по организации прачечных; воспоминания, дневники и домовые книги городских дворян, и особенно дворянок, наконец, художественная литература и публицистика исследуемого периода.

В работе использован методологический подход, сочетающий приемы, характерные для истории повседневности (прежде всего метод исторической реконструкции), теории социокультурной динамики и гендерной истории. Исследование базируется на основных идеях и принципах теории модернизации, что предопределяет значимость изучения адаптации различных социальных групп к серьезным изменениям социально-экономического характера, происходившим в России во второй половине XIX — начале XX в. Эти направления дополняют друг друга и дают возможность всесторонне исследовать как способы поддержания чистоты белья в рос-

сийских дворянско-интеллигентских семьях, так и этапы эволюции стирки из домашнего в общественное производство.

Обсуждение

Несмотря на то что вопросы повседневности отдельных социальных групп, в том числе прислуги, входят в круг наиболее обсуждаемых (см.: [Самарина, 2019]), тема стирки, как и характеристика социальной группы прачек, практически не затронута в отечественной историографии. Редким исключением выступает труд А.М. Семенова [2020], описывающий тяжелые будни прачки-поденщицы. В последние годы появился ряд научно-популярных статей, где на нескольких страницах рассматривается история моющих средств или ухода за одеждой от древнего мира до наших дней (см.: [Савельева, 2014; Опимах, 2013]). С другой стороны, прачки упоминаются в статьях, посвященных женщинам-ремесленницам или низшему персоналу земских и городских учреждений [Вахромеева, 2014; Полянина, 2017].

Результаты

Кто займется стиркой?

Как мы уже отметили, стирка силами самой хозяйки как способ сократить траты на домашние нужды в дворянско-интеллигентских семьях не предполагалась ни при каких обстоятельствах. Как бы тяжело ни жила семья, как бы ни заявляли интеллигенты о своем стремлении отказаться от «личных рабов» и желании взять на себя всю «черную работу» (см., напр.: [Накашидзе, 1908–1909, с. 89]), в любом случае это была сфера деятельности наемного лица. Четкое представление о том, что может делать «не боящийся никакого честного труда» образованный человек, а что нет, мы находим в дневнике неизвестного провинциального чиновника конца XIX в., как и многие его современники, постоянно озабоченного «проклятым вопросом о прислуге» [Вереманко, 2019]: «Сегодня утром у меня явилась мысль... через полтора-два года дети подрастут, будут бегать и говорить, а старшей минет уже шесть лет... новых не появится на свет Божий,— вот и не надо прислуги! Дрова, помои, мытье полов и проч. т.п. грязная работа может быть выполнена или нами самими, как людьми, никогда не стыдившимися и не избегавшими всякого честного труда, или в крайнем случае поденщицей, приходящей, *при сем стирка белья может быть возложена на опытную прачку...* (курсив мой. — В. В.)» [ОР РНБ. Ф. 1362, д. 71а, л. 9 об.—10].

Итак, стиркой должен был заниматься специальный человек — прачка. При этом статус этой работницы мог принципиально различаться. Прачка могла работать на одного конкретного хозяина, и тогда она выступала как часть домашней прислуги, могла служить в качестве наемной работницы в специализированном прачечном заведении и, наконец, могла предлагать свои услуги самостоятельно как прачка-поденщица.

В пореформенный период значительно сократилось число домашних прачек. Урезавшие расходную часть своего бюджета, дворянские семьи не желали постоянно содержать человека, который полностью был задействован в работе только два-три дня в неделю. Вместе с тем, для того чтобы свести «расход по стирке, и так обыкновенно весьма чувствительный, к минимуму», пособия по домоводству предлагали «мыть» отдельных вещей, прежде всего кухонного и буфетного белья, поручать другой домашней прислуге — кухарке и/или горничной. На последнюю же предлагалось возложить и глажку всего белья, за исключением крахмального. И только для «большой стирки» приглашать два, а то и один раз в месяц специальную поденщицу. Правда, такой вариант был возможен, как делилась опытом одна из петербургских хозяек, лишь в том случае, если мать семейства возьмет на себя штопку и починку порванного белья [Нельсина, 1913, с. 48, 57–59].

В начале XX в. отдельные образованные хозяйки были уже готовы заниматься и глажкой, правда только в экстремальной ситуации. Подобная история, например, произошла с Лидией Петровой, женой виолончелиста императорского оркестра, проводившей лето 1917 г. на даче, в Финляндии. Не сумев найти прачку, хозяйка должна была перепоручить большую стирку единственной прислуге. В результате мало того что каждодневные домашние дела — уборку комнат и приготовление обеда — пришлось выполнять самой матери семейства, но и всю вторую половину дня она провела, глядя выстиранное белье. Характерно, что шестилетний хозяйский сын на этот день был отправлен к соседям, так как обычно ребенком занималась сама мать, а в этот день у нее не было на него времени [ОР РНБ. Ф. 406, д. 322, л. 20 об.—21].

Итак, к концу XIX в. городские семьи, в которых «по штату полагалось чуть ли ни три прислуги» и действительно имелись кухарка, горничная и прачка, вызывали удивление и даже не-

понимание окружающих, считавших такое расточительство ярким признаком наличия в доме «плохой хозяйки» [Там же. Ф. 163, д. 313, л. 56–57].

Почем стираем?

Отказавшись от услуг домашней прислуги — прачки, дворянско-интеллигентские семьи вынуждены были обращаться либо к прачкам-поденщицам, либо в прачечные заведения. В первом случае они оплачивали полный рабочий день (несколько дней), на который к ним нанималась поденщица, и размер стирки определялся не в «штуках белья», а в количестве полагавшихся на нее дней.

Стирка обычная (прачки называли ее «постирушкой») занимала один день. Семьям с детьми пособия рекомендовали выделить на нее постоянный день недели, с тем чтобы детское белье не залеживалось долго грязным в мешках. Крупная стирка, когда помимо белья стирке подвергались другие предметы гардероба (кроме верхней одежды, которая ежедневно чистилась щеткой, периодически очищалась горячим паром, а к началу XX в. и разнообразными химическими средствами), а также домашнего интерьера (например, портьеры), осуществлялась не чаще 1 раза в месяц, а в небольших семьях всего несколько раз в год. Она могла занимать 3–4 дня, включая в себя вечернее замачивание накануне стирки, день на собственно стирку и кипячение белья, еще день на выполаскивание и подсинивание и, наконец, день на «катание» (особый способ подготовки белья к глажке) [Левенштейн, 1909, с. 52–63; О стирке белья, 1903, с. 38–39; Обязанности хозяйки..., 1908, с. 23; Лейкин, 1871, с. 177–178].

При такой, крупной стирке один-два лишних тюка белья уже не имели никакого значения. Так, например, в петербургской дворянской семье Огородниковых, состоявшей из восьми человек, было принято на большую стирку брать вещи друзей их сыновей, так как хозяева готовили для прачки «такие вороха белья, что лишний узел ничего не прибавит, а им (молодым людям.— В. В.) одной заботой меньше» [ОР РНБ. Ф. 163, д. 313, л. 60].

Траты на услуги прачки-поденщицы в дворянской семье зависели от ряда обстоятельств: от размера семьи, способности хозяйки передать часть стирки другому персоналу и собственного участия в домашних делах, наконец, от места проживания семейства. Как правило, в конце XIX — начале XX в. за 12–14-часовой рабочий день прачка получала харчи (обед, а иногда и ужин) и 40–50 коп. деньгами [ГАРФ. Ф. 6861, оп. 1, д. 66, л. 56]. Для дворянской семьи эта статья расходов могла быть достаточно существенной. Так, из 20–25 руб. месячного бюджета одинокого российского студента 1 руб. в любом случае уходил на прачку (две однодневные стирки по 50 коп.) [Иванов, 1903, с. 3–5; Фадеева, 2014]. А состоявшая всего из двух человек семья полковника в отставке в Томске тратила на услуги прачки уже 7 руб. в месяц [РГИА. Ф. 1412, оп. 214, д. 15, л. 176–177].

Прачечные заведения практиковали прием вещей поштучно. Таксы утверждались градоначальником, что гарантировало обязанности сторон и защищало интересы хозяев заведений сферы услуг. То есть при данной системе не только ни о каком дополнительном узле вещей ни могло быть и речи, но отдельно учитывались и оплачивались даже самые мелкие предметы. Так, например, в московской Общественной паровой прачечной фабриканта В. Бахметева в 1893 г. действовали следующие тарифы на стирку за штуку для «гражданских потребителей», к которым относились дворянско-интеллигентские семьи: простыня обыкновенная — от 5 до 10 коп.; наволочка обыкновенная — 2–4 коп.; салфетка буфетная — 2–3 коп.; тряпки кухонные и буфетные — 3–5 коп.; сорочка мужская обыкновенная — 10–15 коп.; панталоны обыкновенные — 5–10 коп.; юбка обшитая в один волан — 25–40 коп. На вещи для «молодых людей и девиц» (до 12 лет) предоставлялась скидка от 40 до 60 % (см.: [Общественная паровая прачечная..., 1893, с. 1–5]). Получалось, что стоимость стирки одной юбки могла сравниться с оплатой целого рабочего дня прачки.

То, что при поштучной оплате стирка «обходится гораздо дороже», не вызвало сомнения у авторов пособий по домоводству и было хорошо известно самим потребителям услуг [О стирке белья, 1903, с. 38; ОР РНБ. Ф. 163, д. 313, л. 60]. Несмотря на это данный бизнес активно развивался в крупных городах по всей стране. Так, например, в столице Российской империи, по переписи 1869 г. было 23 чел. (20 — муж. и 3 — жен.), отнесенных к содержателям и прислуге портомойных плотов [Санкт-Петербург..., 1875, с. 7; 41]. В 1881 г. владельцев прачечных заведений было уже 219 чел. (71 муж. и 148 жен.) [Санкт-Петербург..., 1884, с. 304–305]. В 1890 г. число «хозяев заведений по стирке белья» выросло на 50 %, достигнув 319 чел. (65 муж. и 254 жен.) [Санкт-Петербург..., 1892, с. 38–39]. Наконец, по данным переписи 1900 г., количество содержателей прачечных составило уже 370 чел. (74 муж. и 296 жен.) [Санкт-Петербург..., 1903, с. 62–68].

На наш взгляд, главными потребителями услуг частных и акционерных прачечных были все же не «гражданские» лица, а учреждения (меблированные комнаты, гостиницы, рестораны, трак-

«О содержании в должном порядке белья и одежды»: организация стирки...

тиры, бани, пансионы и т.д.), которые, сдавая вещи значительными партиями, получали серьезное снижение тарифа [Общественная паровая прачечная..., 1893, с. 5–9]. Городские же (финансируемые за счет бюджета города) прачечные изначально были ориентированы на обслуживание общественных учреждений — госпиталей, больниц, приютов, школ и т.д. [Дмитриев, 1902].

Перед отправкой в стирку каждая вещь маркировалась, в специальную домашнюю тетрадь записывалось количество белья по группам, а для учета нарезались билетики. Особой популярностью пользовались два варианта группировки: по качеству материала — тонкое, кухонное, носильное, крахмальное; по принадлежности — общее, мужское, женское и детское. Готовые формы таких домашних книг можно было приобрести или сделать самим [Готовое домашнее счетоводство..., 1875, с. 19–92]. Пособия по домоводству рекомендовали хозяйкам самим вести точные записи вещей перед сдачей в стирку или хотя бы обязательно проверять по книге уже подготовленные домашней служанкой тюки, так как «недобросовестная прислуга подчас позволяет себе “донашивать” барское белье; при личном наблюдении за сборами к стирке этого случиться не может» [Нельсина, 1913, с. 48].

Итак, стоимость стирки зависела от того, перепоручалась она прачке-поденщице или белье сдавалось в прачечное заведение. В последнем случае при большом числе подлежащих стирке вещей выходило значительно дороже. С другой стороны, в сферу услуг могли обращаться, если некуда было пригласить прачку или набор белья состоял всего из 1–3 комплектов, что было характерным для одиноких интеллигентов, прежде всего учащихся.

Где стирать?

При найме прачки-поденщицы стирка могла осуществляться как на дому у хозяев, под контролем самой матери семейства или ее домашней прислуги, так и «на стороне» — в общей прачечной или даже там, где жила сама прачка. При сдаче вещей в прачечную, очевидно, был возможен только вариант «на стороне». Многочисленные пособия однозначно отдавали предпочтение домашней стирке, так как она и «обходится намного дешевле», и «хозяйка может сама присмотреть за тем, чтобы с бельем обращались бережно и стирка производилась по всем правилам», наконец, на стороне «прачки стирают белье здоровых и больных вместе, а медициной доказано, что возможна передача через белье заразы сыпных кожных болезней», да и при стирке в неизвестном помещении «ткани, высыхая, всасывают различные испарения и миазмы» [Левенштейн, 1909, с. 46–47].

Вместе с тем вариант стирки в самой хозяйской квартире категорически отвергался, «так как воздух при этом портится очень сильно и становится невероятно вредным» [Гигиена детской комнаты, 1902, с. 126]. Причем не только для жилых комнат, но и для кухни. В качестве альтернативы предлагалось наличие «при ряде квартир», в многоквартирном доме или в соседнем отдельном помещении, небольшой прачечной, «которой пользуются все жильцы по очереди» [Дом и хозяйство, 1917, с. 112; Тихомович, 1895, с. 3; Левенштейн, 1909, с. 47]. Однако далеко не все квартирант-аниматели имели в своем распоряжении подобное помещение, что и толкало хозяев на «не сообразные с требованиями гигиены» стирки «в кухнях» и сдавание белья «на сторону» [Тихомович, 1895, с. 3].

На хозяйской кухне могли не только стирать, но и сушить белье. Описание этой, судя по всему, обычной процедуры мы можем найти у Ф.М. Достоевского. Раскольников снимал каморку «под самую кровлей высокого пятиэтажного дома... Квартирная же хозяйка его, у которой он нанимал эту каморку с обедом и прислугой, помещалась одной лестницей ниже, в отдельной квартире, и каждый раз, при выходе на улицу, ему непременно надо было проходить мимо хозяйской кухни, почти всегда настезь отваренной на лестницу» [Достоевский, 1980, с. 40]. «...Поравнявшись с хозяйкиною кухней, как всегда отворенною настезь, он осторожно покосился в нее глазами... Но каково же было его изумление, когда он вдруг увидел, что Настасья (хозяйская прислуга. — В. В.) не только на этот раз дома, у себя в кухне, но еще занимается делом: вынимает из корзины белье и развешивает на веревках!» [Там же, с. 106–107].

Пособия же рекомендовали летом сушить белье на открытом воздухе, на солнце, зимой — на чердаках, которые для этого необходимо было «содержать в возможной чистоте и устраивать в них сквозной ветер» [Левенштейн, 1909, с. 62]. Но, например, в С.-Петербурге как сушить белье, так и вывешивать на улицах другие вещи, категорически воспрещалось, поэтому чердаки, действительно, были наиболее часто используемым для сушки белья местом и зимой, и летом. Правда, в крупных многоквартирных домах далеко не все жильцы получали право на эту общественную площадь, что и вынуждало часть семей к сушке белья на кухне [Иллюстрированный альбом..., 1905, с. 42–43].

Общественная (домовая) прачечная для жильцов многоквартирного дома могла располагаться в отдельном хозяйственном помещении, в подвале или под чердаком. Ключи от нее хранились у дворника, поэтому решение о стирке надо было согласовывать с ним и соседями, соблюдая определенную очередность [Тихомович, 1895; Лейкин, 1871, с. 177–178].

Вот как выглядели обычные петербургские домовые прачечные на рубеже XIX–XX вв.: «...в высоту не более 4 аршин, а чаще даже и менее; освещены крайне скудно и, в видах экономии места, занимают площадь еле-еле достаточную для того, чтобы кое как разместить лохани и другие прачечные приспособления; пол в них в большинстве случаев плитный, задерживает в неровностях своих грязную мыльную воду, которая, испаряясь, насыщает воздух прачечной тучами миазмов; такая же вода проникает через швы в грунт и загрязняет его; сточный колодезь, устроенный в полу прачечной, не всегда снабжен водяным затвором, а развивающиеся в сточных трубах газы имеют свободный выход в прачечную... во время стирки в прачечной стоит такой густой пар, что иногда не видно стоящих на расстоянии одного аршина» [Павловский, 1895, с. 1].

К началу XX в., с распространением в больших городах благоустроенных домов «с водопроводом, канализацией и подъемными машинами», домохозяева стали «приспосабливать» для стирки помещения наверху, рядом с чердаком, что, по мнению жильцов, «представляло большие удобства во всех отношениях» [Левенштейн, 1909, с. 47]. Однако в Петербурге такой вариант довольно быстро оказался «крайне неудобным». Дело в том, что развитие водопроводной системы, а также мощности городской водокачални и станций очистки категорически не поспевали за ростом числа потребителей. В результате «с каждым днем случаи неисправной подачи воды... увеличиваются, как по числу, так и по времени, в течение которого та или другая часть, а иногда и весь город остаются без воды». Но помимо этих, общих для всех жителей города «экстренных остановок в водоснабжении» «практически повсеместным» стало постоянное отсутствие воды в верхних этажах столичных домов, особенно в банные дни [Рире, 1895, с. 9]. Из разных районов С.-Петербурга в различные инстанции подавались жалобы на то, что в многоэтажных домах вода доходит в будние дни до 4-го, а в субботу оказываются лишены этого удобства и жильцы 3-го этажа [Демидович, 2018, с. 96]. В результате предчердачные прачечные простаивали по несколько дней в неделю, что значительно ограничивало возможности жильцов организовывать стирку и вызывало конфликты в связи с ее очередностью.

Прачечные заведения, как частные — единоличные или артельные, так и городские — общественные, могли располагаться в отдельном специальном помещении, преимущественно возле реки, и, так же как и домовые, находиться в самом многоквартирном доме, причем не только в подвале или под чердаком, но и просто в одной из съемных квартир. Так, например, автор пособия по устройству прачечных утверждал, что «сравнительно небольшое прачечное заведение, с годовым оборотом в 8–10 тысяч рублей, можно устроить в любом доме, заняв помещение в 4–5 просторных комнат». Правда, он уточнял, что далеко не все домовладельцы легко идут на сдачу квартир под прачечные. Однако тут же добавлял, что их можно переубедить, показав свой проект и объяснив, что «сырость может появиться только от неряшливости, но такие случаи возможны даже при сдаче квартир под обыкновенное жилье, неторговое помещение или мастерскую» [Устройство промышленной прачечной, 1913, с. 3].

Все же основная масса прачечных заведений, и в городах с широкой водопроводной сетью, находилась возле рек или иных источников проточной воды, что не только удешевляло производство, но и давало возможность избежать перебоев в водоснабжении. При этом даже в Москве расположенные вдоль реки прачечные заведения и в начале 1914 г. характеризовались как находящиеся «в самых ужасных гигиенических и антисанитарных условиях» [Городская прачечная, 1914].

Итак, стирка могла происходить в специальных прачечных, расположенных в подвале, под чердаком или в отдельной квартире в том доме, где жили потребители услуги; в отдельном флигеле при нем; в специальном помещении, построенном у реки, наконец, в самой хозяйской квартире или в квартире, где жила прачка. Наименее подходящими и гигиенически неприемлемыми считались два последних варианта.

Как стирать?

В исследуемый период значительными темпами шел процесс создания разнообразных механизмов, облегчавших, ускорявших и рационализировавших процесс стирки и глажки. Можно было смастерить по публикуемым в специализированных изданиях чертежам, купить и заказать самые разные российские и импортные приспособления, от «американской» стиральной доски (представляла собой «деревянную рамку, в которую вставлена рубчатая доска из листового

«О содержании в должном порядке белья и одежды»: организация стирки...

цинка») до различных модификаций стиральных машин [Левенштейн, 1909, с. 49–50, 65; Специальное производство..., 1898; Утюги и аппараты..., 1898].

То или иное пособие, в зависимости от того, было оно ориентировано на образованных домашних хозяек или потенциальных владельцев прачечных заведений, указывало на разные системы стиральных и выжимальных машин как «наиболее удачные и подходящие». Так, автор трехтомника по домоведению для учащихся женских средних учебных заведений Л.А. Левенштейн из всех модификаций считала достаточно удачной одну, представлявшую собой металлический ящик на 4 ножках с прикрепленным к крышке рычагом. В этот ящик наливалась горячая вода с наструганным мылом и содой, далее рычаг поворачивался до того момента, пока в ящике не образовывалась пена; затем туда загружалось белье, ящик закрывался, и рычаг приводился в движение «для тонкого белья в течении 2–3 минут, для толстого — 6–8 минут». После этого белье вынимали и складывали в кадку с горячей водой, а в ящик добавляли немного мыла и стирали следующую порцию вещей. После окончания всей первой стирки воду из машины выпускали через специальный кран, ящик мыли и затем стирали в нем белье вторично. Главным достоинством агрегата автор пособия называла то, что, стирая достаточно чисто, машина «не рвет белье» [Левенштейн, 1909, с. 64–65].

Для владельцев прачечных заведений наиболее привлекательными были те механизмы, которые давали возможность одномоментно обрабатывать значительные объемы вещей. В этом плане особый интерес вызывала машина под названием «американская прачка», стиравшая «свертками». Один сверток мог состоять из простыни или скатерти, в которую заворачивали дюжину наволочек или две дюжины полотенец. Рубашки или платья стирали по три штуки за раз, для этого две рубашки вкладывали в третью, «вывороченную на изнанку». Кадку наполняли горячей водой с мылом, между валиками машины клали готовый сверток. Поворотом рукоятки машины двигали сверток «от одного конца до другого» в течение 5 минут. Далее пропускали сверток через выжиматель, сливали грязную воду и наливали чистую. После второй стирки белье можно было полоскать [Устройство промышленной прачечной..., 1913, с. 70–71].

Основная масса потребителей с осторожностью относилась к подобным устройствам. Считалось, что в результате машинной стирки ткани очень быстро портятся, так как «волокна рвутся, сплющиваются и растягиваются» [Стирка белья, 1903]. Да и само качество стирки вызывало вопросы, особенно при одновременной обработке белья свертками [Левенштейн, 1909, с. 64]. К тому же в самой дворянско-интеллигентской семье подобные аппараты были совершенно ни к чему. Громоздкие и дорогостоящие, они не были нужны в домашнем обиходе, если стиркой занималась прачка-поденщица и тем более если белье сдавалось в прачечную. Покупать же машину для того, чтобы поставить ее в общую домовую прачечную и предоставлять пару раз в месяц приходящей малоквалифицированной работнице или, наоборот, разрешить пользоваться ею всем соседским прачкам, было верхом расточительности. Недаром в разработанном журналом «Наше жилище» в 1895 г. «образцовом проекте домовой прачечной» из всего инструментария в ней предполагалось иметь «на каждые 10 квартир средней величины (не свыше 600 руб. в год)... один водогрейный котел диаметром 20 вершков и две лохани для стирки, площадью 20×24 вершка каждая». Кроме того, говорилось, что «в прачечной должна быть отдельная полоскательная лохань с подведенной к ней холодной водой». Никакими механизмами оснащать «образцовую домовую прачечную» никто не собирался [Павловский, 1895, с. 2].

Самой прачке-поденщице, с ее заработком в 40–50 коп. в день, покупка даже дешевой машины, за несколько десятков рублей, да при необходимости таскать этот тяжелый агрегат из одной семьи в другую, виделась совершенно немыслимым делом. Недаром на рекламной картинке, предлагавшей изделия московской фирмы А.И. Похильского, специализировавшейся на производстве устройств для стирки, рядом со стиральной машиной был нарисован мощный мужчина с усами и бородой. Именно так изготовители представляли себе человека, способного крутить рычаг этого механизма [Специальное производство..., 1898]. Стоимость же подобных отечественных устройств могла доходить до 400 руб. А суперсовременные «стиральные барабаны» французской фирмы «Дегетр», предназначенные для паровых прачечных, стоили в 1897 г., с учетом доставки и установки, 2000 руб. за штуку [Дмитриев, 1902, с. 6].

В результате машинная стирка активно применялась в начале XX в. только в крупных прачечных заведениях, а также в «больших хозяйствах, например, в полках, корпусах и больницах» [Устройство промышленной прачечной..., 1913, с. 12; Андреев, 1893, с. 69]. Данное обстоятельство, очевидно, отражалось и на гендерном составе занимавшихся стиркой поденщиков и наемных работ-

ников прачечных заведений. Так, по материалам столичных переписей видно, что мужчины-прачечники среди поденщиков практически не встречались: в 1869 г. — при крайне слабой сети прачечных заведений на 11 404 прачки-поденщицы было 75 мужчин [Санкт-Петербург..., 1875, с. 7, 41]; в 1881 г. на 8790 женщин (сокращение численности связано с формированием сети прачечных) мужчин не оказалось вовсе [Санкт-Петербург..., 1884, с. 304–305]; в 1890 г. количество самостоятельных лиц, поденно занимавшихся стиркой белья в С.-Петербурге, упало до исторического минимума, достигнув 3173 чел. (из них 6 мужчин) [Санкт-Петербург..., 1892, с. 38–39]. Наконец, в 1900 г. число прачек-одиночек снова выросло, составив 5138 чел. (мужчин в этой профессиональной группе опять не оказалось). На наш взгляд, рост численности поденщиков был связан как с гигантскими темпами прироста населения российской столицы, так и с увеличением числа пользователей, недовольных качеством и дороговизной услуг прачечных [Санкт-Петербург..., 1903, с. 62–68]. В составе же наемных работников прачечных заведений при значительном преобладании женского труда мужской все же присутствовал более отчетливо. Как уже отмечалось, данный бизнес начинает активно развиваться только в последней четверти XIX в. Поэтому численность наемных работников в этих структурах впервые указывается только в переписи 1881 г.: 1764 прачки и 100 прачечников [Санкт-Петербург..., 1884, с. 304–305]. А в 1900 г. численность наемных работников отрасли практически сравнялась с числом одиночек и составляла 5075 чел., из них мужчин — 229 [Санкт-Петербург..., 1903, с. 62–68].

Таким образом, постепенная механизация стирки осуществлялась в крупных «паровых» прачечных заведениях, в которых активно применялся мужской труд, для основной же массы прачечных, а тем более для поденщиц был характерен ручной труд. Итак, на протяжении всего исследуемого периода основная масса белья, принадлежащего дворянско-интеллигентским семьям, подвергалась ручной стирке, что в целом соответствовало желанию потребителя, выбиравшего между прачкой-поденщицей и прачечным заведением.

Вот что представлял собой «самый распространенный», по мнению автора руководства для хозяек, способ стирки в России. «Стирка белья заключается первоначально в легкой промывке его с мылом. Это делается с целью удаления очень загрязненных мест... Процесс варки белья в щелочу называется *бучением*... Бучение белья продолжается 1–2 часа. Затем оно полощется. Собственно стирка белья заключается в мытье белья в корытах, трением его с мылом, руками». Правда, далее автор указывал, что «наши прачки» применяют и дополнительные средства, но относился к этому рационализаторству без восторга: употребление «поташа, соды, жавелевой воды... может быть и было бы хорошо, если бы прачки обращались с бельем с снисхождением, но так как у них вся цель скорее выстирать белье, то они, употребляя несообразные порции упомянутых материалов и оттирая пятна щетками, разрушают и портят белье в самое короткое время». Понятно, что в итоге автор не мог не призвать хозяек обязательно контролировать процесс стирки, приглашая прачку на дом [Андреев, 1893, с. 68–69].

На деле условия труда прачек даже в домашней прачечной были таковы, что и просто заглянуть в это сырое, наполненное густым паром помещение могла решиться редкая хозяйка: «...в пять часов прачки засветили фонарь, взвалили узлы с грязным бельем на плечи и пошли в прачечную. И начался трудовой рабочий день прачки поденщицы... Сначала варка белья в щелоче, потом стирка в первой воде, стирка во второй... — В девятом часу стирка кончилась». На следующий день полагалось полоскание, которое проводилось либо на реке, либо в домах с водопроводом, в том же помещении домовой прачечной. «А там подсиниванье белья в не менее холодной воде, развешивание его на холодном чердаке и катанье на катке с пятипудовой тяжестью...» [Лейкин, 1871, с. 177–178].

Таким образом, в течение всего исследуемого периода, несмотря на широкую известность разного рода механизмов для стирки, дворянско-интеллигентские семьи однозначно отдавали предпочтение ручной форме труда. Считая прачечные заведения, где применялись новейшие изобретения, значительно менее привлекательными как по цене, так и по качеству стирки, обращались в них только в том случае, если не представлялось возможным пригласить на дом поденщицу.

Заключение

Организация быта городской дворянской семьи (как и любой другой) предполагала решение ряда задач, связанных с обеспечением домочадцев питанием, одеждой и приемлемыми жилищными условиями. Одна из этих базовых задач — поддерживать в чистоте белье и одежду хотя и входила в компетенцию хозяйки, но на деле перепоручалась в дворянской семье специальному лицу — прачке.

«О содержании в должном порядке белья и одежды»: организация стирки...

В пореформенный годы рассматриваемая деятельность практически полностью перешла из сферы домашнего услужения в категорию одиночных поденных работ и наемного труда. Вместе с тем при определенных условиях хозяйка могла активно вмешиваться в организацию стирки и осуществлять за ней контроль. Такая ситуация была возможна при передаче «мытья» части белья имеющейся домашней прислуге (горничной и (или) кухарке) и приглашении для большой стирки прачки «на дом», с поденной оплатой труда.

Характерно, что выражение «домашняя стирка» не означало, что стирали действительно на квартире у потребителей услуг. Хотя в отдельных семьях и практиковалась стирка «в кухне», такой вариант и врачами, и самими хозяйками признавался крайне негигиеничным. Как правило, приглашенная поденщица отправлялась стирать в специальное помещение — домовую прачечную, расположенную в самом многоквартирном доме или в отдельном флигеле при нем. Условия же труда в прачечной были таковы, что реального контроля за работницей хозяйка не осуществляла.

Другим возможным вариантом стирки была сдача белья «на сторону», либо в специализированное прачечное заведение, либо также прачке-поденщице, но стиравшей не в хозяйском доме, а в каком-либо другом месте. Оба эти варианта виделись потребителям значительно менее привлекательными. Главная претензия к деятельности работавшей на стороне поденщицы заключалась в том, что, как считалось, она могла стирать вместе белье здоровых и больных, т.е. существовала опасность заражения членов семьи инфекционными заболеваниями. В отношении же прачечных заведений к этому добавлялось еще недовольство более дорогой поштучной оплатой. Вызывало обеспокоенность хозяек и появление в крупных прачечных заведениях машинной стирки, считавшейся менее качественной и портящей вещи. В результате обращались в специализированные учреждения преимущественно одинокие люди и семьи, не имевшие возможность нанять прачку.

Таким образом, несмотря на изменение в статусе работниц и появление разного рода технических новинок, сам характер деятельности прачек эволюционировал слабо. Образованные хозяйки на протяжении всего исследуемого периода отдавали предпочтение ручной стирке, ни при каких обстоятельствах не желая сами заниматься этим «каторжным» делом.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00297.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

- Андреев П.П.* Домоведение: Руководство для хозяек дома, домашних учительниц и гувернанток. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1893. 224 с.
- Гигиена детской комнаты // Здравие семьи: Журнал гигиены и популярной медицины, издаваемый при «Биржевых ведомостях».* 1902, 28 авг. (10 сент.). № 16. С. 126.
- Городская прачечная в Москве // Трудовая помощь.* СПб. (Пг): Гос. тип., 1914. № 6. С. 95–96.
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).* Ф. 6861. Оп. 1. Д. 66.
- Готовое домашнее счетоводство (для всех и каждого):* В 3 кн. / Сост. [Михаил] Голубинцев. Кн. 3: Готовые вспомогательные записи: домашняя запись белья (с билетиками для прачек), проч. имущества, долгов и расчетов с прислугой. Одесса, 1875. 120 с.
- Демидович Д.М.* Доходные дома Петербурга: Организация, взаимодействие с государственными и коммерческими структурами, повседневность (1870-е гг. — начало XX века): Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2018. 212 с.
- Дмитриев Н.П.* Одесская городская прачечная. Одесса: «Славянская» тип., 1902. 17 с.
- Дом и Хозяйство.* М.: Бесплатное приложение «Журнала для Женщин», 1917. 128 с.
- Достоевский Ф.* Преступление и наказание. Л.: Худож. лит., 1980. 560 с.
- Иванов П.* Студенты в Москве: Быт. Нравы. Типы: Очерки. 2-е изд. М.: Тип. Штаба Моск. Воен. окр, 1903. 296 с.
- Иллюстрированный альбом городской и домовой администрации с торгово-промышленным и справочным отделами.* СПб.: Я.С. Лурье, 1905. 143 с.
- Левенштейн Л.А.* Домоведение: Руководство для женских учебных заведений и самообучения: В 3 ч. Ч. 2: Платье и белье — их кройка, стирка, чистка и починка. Уход за новорожденными и больными. Подача первой помощи в несчастных случаях. М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1909. 232 с.
- Лейкин Н.А.* Прачка-поденщица // Лейкин Н.А. Повести, рассказы и драматические сочинения. Т. 2. СПб.: Изд. книгопродавца К.Н. Плотникова, 1871. С. 166–183.
- Накашидзе И.* Мысли о воспитании // Свободное воспитание. 1908–1909. № 1. С. 87–98.
- Нельсина А.* Молодая хозяйка: Руководство к практ. постановке и ведению дома. СПб.: Тип. т-ва А.С. Суворина «Новое время», 1913. 443 с.

Веретенко В.А.

О стирке белья // Домоводство: Бесплатное приложение к журналу «Сельский хозяин» за 1903 г. СПб: Изд-во П.П. Сойкина, 1903. Кн. 2. С. 38–39.

Общественная паровая прачечная В. Бахметева. Тариф стирки белья. М.: Губерн. тип., 1893. 11 с.

Обязанности хозяйки дома // Хозяйка. 1908. № 3. С. 23.

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 163. Д. 313.

ОР РНБ. Ф. 406. Д. 322; Ф. 1362. Д. 71а.

Павловский А. О домовых прачечных // Наше жилище: Вестник домоведения и домоустройства. 1895. № 8. С. 1–5.

Попов Н.А. Хозяева и прислуга: Очерки. СПб.: Тип. СПб., 1907. 16 с.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1412. Оп. 214. Д. 15.

Санкт-Петербург по переписи 10 декабря 1869 года. Вып. 3: Распределение жителей Санкт-Петербурга (исчисленных поименно) по промыслам, занятиям и другим родам существования. СПб.: Изд. Центр. Стат. Ком., 1875. 227 с.

Санкт-Петербург по переписи 15-го декабря 1881 года. Т. 1: Население. Вып. 2: Состав населения по занятиям / Предисл. Ю.Э. Янсона. СПб., 1884. 312 с.

Санкт-Петербург по переписи 15-го декабря 1890 года: В 4 ч. / Под ред. засл. проф. Ю.Э. Янсона. Ч. 1: Население. Вып. 2: Распределение населения по занятиям. СПб.: Гор. управа по статистическому отделению, 1892. 76 с.

Санкт-Петербург по переписи 15-го декабря 1900 года. Население / Ред. и предисл. Н. Федулова. Вып. 2: Распределение населения по занятиям. СПб., 1903. 215 с.

Специальное производство стиральных принадлежностей. Катки, выжимальные машины. Стиральные машины // Дамский календарь / Изд. И.В. Бартошевича. На 1898 год. 1-й год издания. М.: Тов. И.Н. Кушнерев, 1898. С. 13.

Стирка белья // Домоводство: Бесплатное приложение к журналу «Сельский хозяин» за 1903 г. СПб: Изд-во П.П. Сойкина, 1903. Кн. 1. С. 38.

Тихомович С. Что есть и чем должно быть наше жилище // Наше жилище: Вестник домоведения и домоустройства. 1895, 15 янв. № 3. С. 1–4.

Устройство промышленной прачечной: Практическое руководство для устройства прачечной с новейшими приспособлениями и машинами. Стирка, глажка, чистка и вывод пятен. СПб.: Изд. журнала «Домашний ремесленник», 1913. 80 с.

Утюги и аппараты для стирки белья // Дамский календарь / Изд. И.В. Бартошевича. На 1898 год. 1-й год издания. М.: Тов. И.Н. Кушнерев, 1898. С. 106.

Рре. Водоснабжение Петербурга // Наше жилище: Вестник домоведения и домоустройства. 1895, 1 февр. № 4. С. 9–11.

Литература

Баженова К.Е. Деятельность организаций Всероссийского земского союза и Всероссийского союза городов Пермской губернии по оказанию помощи беженцам в годы первой мировой войны // Вестник ЧелГУ. 2011. № 12 (227). С. 21–27.

Вахромеева О.Б. Петербургская ремесленница в конце XIX — начале XX века // Петербургские исследования. 2014. № 5. С. 40–50.

Веретенко В.А. Дворянская семья и государственная политика России (вторая половина XIX — начало XX вв.). Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Европейский дом, 2009. 684 с.

Веретенко В.А. Хозяйские заботы: жизнь замужней дворянки в провинциальном городе России в конце XIX — начале XX вв. // УИВ. 2019. № 1 (62). С. 71–78.

Мицюк Н.А. Рождение матери: Субкультура материнства в высших слоях общества индустриальной России. Смоленск: Смоленская городская типография, 2015. 384 с.

Опимах И.В. Как было создано мыло // Медицинские технологии. Оценка и выбор. 2013. № 3 (13). С. 86–88.

Полянина О.А. Правовой статус низших муниципальных служащих пореформенной России (на материалах Уфимской губернии) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: Вопросы теории и практики. 2017. № 12–1 (86). С. 150–154.

Савельева О.О. «Одежды свои очищай...» // Энергия: Экономика, техника, экология. 2014. № 1. С. 76–80.

Самарина Л.А. Российская прислуга второй половины XIX века в современной историографии // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14. № 6. С. 105–113.

Семенов А.М. «Что нам делать?»: Профессиональные трудности прачки-поденщицы в России в конце XIX — начале XX в. // История повседневности. 2020. № 2. С. 20–29.

Фадеева М.В. Опыт реконструкции ежемесячных бюджетов студентов Московского университета конца XIX — начала XX в. // Исторический вестник. 2014. Т. 9. № 156. С. 44–81.

Veretenko V.A. Urban Kitchen as a Social Space in the Noble-Intellectual Environment of Russia in the second part of the XIX — early XX centuries // Bylye Gody. 2019. Vol. 53. Iss. 3. 1187–1200.

“On the proper keeping of linen and clothes”: organization of laundry in urban noble-intellectual families of Russia in the second half of the 19th — early 20th century

The article is aimed at characterization of the ways of laundry organization in the urban noble-intellectual families of post-reform Russia, identification of the extent of innovations in this area, and of the degree of transition of this activity from the field of domestic labour to social production. The sources of the research include paperwork of laundry facilities, statistical data, numerous housekeeping manuals and instructions for laundry organization, memoirs, diaries and house books of urban nobles, especially noble women, and, finally, fiction and publicistic writings of this period. The study follows a methodological approach that combines research methods characteristic for the history of everyday life (first of all, historical reconstruction method), the theory of sociocultural dynamics, and the theory of “topochron”. The author concludes that, despite the significant increase of personal participation of educated housewives in household chores, which took place at the end of the 19th — beginning of the 20th century, this change did not extend to laundry, which was completely delegated to a special person — laundress. The employee herself could act as a single-family domestic servant, a worker who served in a laundry establishment or an independent day laborer who offered her services to all concerned. Moreover, the first group — laundresses — domestic servants — was extremely rare in the post-reform period. Washing could be carried out both “at the owners’ home”, and “on the side”. “Home washing”, which provided a theoretical opportunity for the employer to control the employee’s activities, was regarded as more preferable, both in terms of service quality and price. Active development of the laundry networks in the late 19th — early 20th century, some of which used machine washing, had little impact on lives of educated citizens. The laundries were oriented, first of all, to work with institutions, and among the “citizens” their services were mainly used by small noble-intellectual families who did not have an opportunity to invite a day labourer. Throughout the post-reform period, handwashing continued to be the most popular way to care for clothing, and the nature of the laundress’s labor remained virtually unchanged, still staying “backbreaking” and extremely poorly mechanized.

Key words: noble-intelligent families, mistress, domestic servants, laundress, laundry, mechanization, clothing, washing, rolling.

REFERENCES

- Bazhenova K.E. (2011). The activities of organizations of the All-Russian Zemsky Union and the All-Russian Cities Union of Perm Province on the assistance to refugees during the First World War. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, (12), 21–27. (Rus.).
- Fadeeva M.V. (2014). Reconstructing the Moscow University students’ monthly budgets at the end of the XIX — beginning of the XX centuries. *Istoricheskii vestnik*, (156), 44–81. (Rus.).
- Mitsiuk N.A. (2015). *Birth of a mother: Subculture of motherhood in the upper strata of industrial Russian society*. Smolensk: Smolenskaia gorodskaiia tipografiia. (Rus.).
- Opimakh I.V. (2013). The invention of soap. *Meditsinskie tekhnologii. Otsenka i vybor*, 13(3), 86–88. (Rus.).
- Polianina O.A. (2017). Legal status of low rank municipal servants of post reform Russia (by the materials of the Ufa province). *Istoricheskiye, filosofskiyе, politicheskoye i yuridicheskoye nauki, kulturologiya i iskusstvovedeniye: Voprosy teorii i praktiki*, 86(12–1), 150–154. (Rus.).
- Samarina L.A. (2019). The Russian servant of the second half of the century in modern. *Gumanitarnyj vektor*, 14(6), 105–113. (Rus.).
- Semenov A.M. (2020). “What should we do?”: Professional difficulties of a day-laborer laundress in Russia at the end of the XIX — early XX centuries. *Istoriia povsednevnosti*, 14(2), 20–29. (Rus.).
- Savel'eva O.O. (2014). “Clean your clothes...”. *Energija: Ekonomika, tekhnika, ekologiya*, (1), 76–80. (Rus.).
- Vakhromeeva O.B. (2014). Artisans in Saint-Petersburg in the late XIX — early XX centuries. *Peterburgskie issledovaniia*, (5), 40–50. (Rus.).
- Veremenko V.A. (2009). *The noble family and state policy of Russia (second half of the XIX — beginning of the XX centuries)*. St. Petersburg: Evropeiskii dom. (Rus.).
- Veremenko V.A. (2019). Hostess’s concerns: Everyday life of a married noblewoman in a Russian provincial town in the late XIX — early XX centuries. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 62(1), 71–78. (Rus.).
- Veremenko V.A. (2019). Urban Kitchen as a Social Space in the Noble-Intellectual Environment of Russia in the second part of the XIX — early XX centuries. *Bylye Gody*, 53(3), 1187–1200.

Веремченко В.А., <https://orcid.org/0000-0002-5217-5609>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 07.12.2020

Article is published: 26.02.2021